

Затем она взглянула на Вэй Хуань: «Тайпин молода и неразумна. Ты как старшая невестка должна в некоторых вещах её наставлять.»

Вэй Хуань тихо ответила: «Слушаюсь.» Я посмотрела на лицо матери — оно было таким же, как когда перед свадьбой она учила меня сокровенным премудростям. Я опустила голову и сжала под одеялом кулак. Последние месяцы: днём — охота, игры с мячом, ночью — вино и веселье, почти без сна. Наконец-то свершилось по-моему: временно не нужно будет... делить ложе с Чжэн Бо.

В тот день с утра у меня дико болело сердце, но без сознания я пролежала недолго, к вечеру уже очнулась. Последующие дни то спала, то просыпалась, а сейчас уже почти поправилась. Но я продолжала притворяться слабой, обвила шею матери, как маленький ребёнок, капризничала и говорила все сладкие слова, какие только могла придумать. Обычно я всё же считала себя взрослой и соблюдала некоторую меру в детских капризах. Но сегодня, зная о скрытой боли Вэй Хуань, я нарочно изощрялась в слащавости. Матушка, конечно, любила, когда я такая. Сначала она обнимала меня за плечи и звала «Тайпин», потом постепенно, как до замужества, стала звать «Сыцзы», а потом, не выдержав моих уловок, то и дело гладила меня по макушке и шее, то называя «маленькой», то «дитяткой». Когда я случайно упомянула о жемчужной шпильке в волосах Вэй Хуань, она тут же пожаловала мне две шкатулки с гребнями и подвесками. И лишь когда служанки стали торопить, сказав, что отец зовёт, она поднялась и ушла.

Вэй Хуань всё это время находилась рядом, наблюдая за каждым нашим с матерью словом и движением. Я украдкой поглядывала на неё и видела, что она стоит, опустив голову и руки, не говоря ни слова. Проводив матушку и вернувшись, она обратилась ко мне: «Раз Эрнян уже лучше, я сначала вернусь, а после полудня загляну к тебе.»

Я сделала легкий поклон с кровати: «Супруга наследного принца занята делами дворца. Если некогда, не беспокойтесь обо мне, важнее дела Восточного дворца.» Сказав это, я подняла голову и со злым умыслом добавила: «Свадьба ещё не остыла, а вы вместо того, чтобы быть с супругом, каждый день приходите навестить больную. Виновата в этом я. Прошу вас, вернитесь во дворец, проводите больше времени с братом, поскорее произведите на свет потомство — это и будет благом для нашей страны.»

Но эти слова не принесли мне облегчения, а словно вонзили ещё один нож в моё же сердце. Голос мой прервался, и Вэй Хуань тут же заметила, шагнула вперёд и поддержала меня: «Что такое? Опять плохо?»

Я оттолкнула её: «Ничего. Посижу — пройдёт. Невестка, возвращайтесь.»

Она замерла, глядя на меня, и спустя долгое время спросила: «В тот день ты тоже так говорила. В этом есть какой-то особый смысл?»

Я поняла, о каком дне она говорит. Сердце сжалось. Я выпрямилась, стараясь ровно дышать, и через некоторое время, когда боль немного утихла, ответила: «У кого болит сердце, у того, скорее всего, и болезнь сердца. Сердце — первый среди пяти органов-цзан, его биение рождает кровь и ци. Если крови и ци не хватает, сердцу приходится биться сильнее, чтобы увеличить подачу, — это одна из причин боли. В таком случае, если лечь, кровообращению будет труднее, а сидя — немного легче.»

Она сказала: «Я дома слегка читала медицинские трактаты, но никогда не слышала такого

объяснения.»

Я заметила, что мой голос сам по себе стал мягче, и поспешила добавить холодно: «В Поднебесной врачей не одна сотня. Если супруга наследного принца не слышала, это ещё не значит, что такого не существует.»

Она тихо промолвила: «Значит, если следовать твоим словам, охота, вино, большая радость, большое горе — всё это увеличивает кровь и ци, заставляет сердце биться сильнее. Если долго продолжать, сердце устанет, будет легко изнашиваться и вызовет боль. Так? Поэтому последние месяцы ты много пила, скакала на охоте, мало спала по ночам — всё для того, чтобы измучить себя и спровоцировать болезнь сердца как раз к свадебному обряду?»

Она по-прежнему была умна до омерзения.

Я отвернулась и равнодушно бросила: «Откуда невестке знать о делах в моих покоях?»

Она холодно ответила: «Я пробыла у тебя почти три года. Кто в твоих покоях мне не знаком? Спросить о таких вещах — проще простого.»

Её тон разжёл во мне гнев. Я повернулась к ней и так же холодно сказала: «Значит, ты помнишь, что мы знакомы три года. А я уж думала, что никогда тебя не знала.»

Она оглянулась на прислугу. Служанки бесшумно, словно вода, хлынули прочь, и в покоях мгновенно остались мы вдвоём.

Я продолжала усмехаться: «Невестка хочет поговорить с глазу на глаз? Зачем же отослала Сун Фою? Она — тот, кому я крайне доверяю и кого ценю, я ничего от неё не скрываю. Ах да... я и забыла, невестка тоже столько времени была со мной, тоже была тем, кому я крайне доверяла и кого ценила, а в итоге жестоко обманула меня. Получается, лучше и Сун Фою не слушать — вдруг она окажется такой же, как невестка?»

Вэй Хуань резко шагнула вперёд и отрезала у самой кровати: «Ли Тайпин!»

Я подняла голову и улыбнулась: «Что прикажете, супруга наследного принца? Ваша служанка ныне нездорова, не слишком удобно подниматься для приветствия.»

Она уставилась на меня.

Странно, почему раньше мне казалось, что она, когда смотрит, очаровательна и мила? Сейчас она выглядела просто свирепой, глаза круглые, как медные тарелки, будто вот-вот сожрёт человека. Ли Жуй заполучил такую жену... нет, «жена» нынче не самое лучшее слово... такую свирепую главную супругу. Интересно, сколько же ему предстоит выстрадать? Вспомнив ту императрицу Вэй из другого времени, задумалась: не повторит ли Ли Жуй судьбу сына другой У Цзэтянь? Но та императрица Вэй хотя бы не покидала мужа, делила с ним и радости, и горести. А моя эта супруга наследного принца, ест из моей чашки, а глаза заглядывают в большой котел Ли Жуя. Ныне добилась своего, но кто знает, не смотрит ли уже на чей-то ещё большой треножник? О каком «делить радости и горести» может идти речь?

Я знала, что мысли мои низки. Раньше я никак не могла понять тех влюблённых, которые после расставания ссорятся, шумят, не дают друг другу жить. Теперь я их глубоко понимаю. Окажись я в иных обстоятельствах, бушевала бы ещё яростнее. Рана на сердце, если не давать ей хоть так, слегка, излиться, может свести с ума. А моя рана... если бы я даже в мыслях не могла отпустить такие язвительные колкости, я бы, наверное, уже сошла с ума. Досадно то, что

хоть в сердце я ненавидела её десять тысяч раз, всё ограничивалось лишь сердцем, а на деле максимум — пара колкостей.

Я, конечно, могла бы легко ей отомстить. При нынешнем положении дел мать непременно станет императрицей-правительницей, и тогда появятся чиновники, что восстанут. А матери для упрочения власти придётся всю использовать жестоких судей. Стоило бы мне тогда сказать матери: «Вэй Хуань втихомолку рассуждает, что, мол, А-нян не следовало отнимать престол у брата» — и она не только не получила бы богатств, положенных супруге наследного принца или императрице, но, боюсь, и жизнь бы не сохранила. Этот способ я в уме перебирала тысячу раз. Каждый раз, представляя, как мать бросает её в тюрьму, а она плачет, умоляет меня, я чувствовала в сердце великое облегчение и даже засыпала быстрее. Но по ночам меня неизменно терзали кошмары, а просыпалась я всегда в слезах. Тихонько спрашивала дежурных — все говорили, что во сне я кричу «А-Хуань». Поэтому теперь на ночь я оставляю людей только за дверью. Место рядом со мной по ночам опустело. Совершенно опустело.

Дыхание моё немного выровнялось. Я слегка откинулась на подушки, скрестила руки на затылке и с улыбкой посмотрела на неё: «Если у супруги наследного принца есть распоряжения — прошу высказать. Если нет — прошу прощения, служанке нужно отдохнуть.»

Её макияж был безупречен. Раньше, когда она была у меня, она никогда так не красилась. Густо, толстым слоем, будто хотела замазать даже глаза, чтобы скрыть взгляд. Жаль, что в наше время ещё нет никаких цветных линз для украшения. Гнев в её глазах негде было спрятать, он прямо и бесхитростно представал передо мной. Глядя на это, я лишь сильнее качала головой: «Супруге наследного принца лучше улыбаться. А так, глаза вытаращив, — страшно становится.»

<http://bllate.org/book/16278/1466856>